

НАУКА ПЕДАГОГИКА

Полезное дело

В этот день всегда вспоминают о мужестве защитников города-героя и его жителей. Мы же расскажем о ленинградских учителях, выживших в первую страшную блокадную зиму и эвакуированных в наш край. О тех, кто в голодное и холодное время нёс свет знаний и душевное тепло алтайским детям.

То, что эвакуированные учреждения культуры и ее отдельные представители оказали огромное влияние на развитие отрасли в нашем крае, бесспорно. Но трудно переоценить то, что сделали для Алтая сотни оставшихся безвестными педагогов. Я только подступаю к теме, но не могу не поражаться тому, какой замечательный фундамент будущего заложили учителя, эвакуированные из Ленинграда, Москвы, Белоруссии, с Украины и Дальнего Востока. Причем закладывался этот самый фундамент как в городах и райцентрах края, так и в медвежьих углах. Эффект четырех лет работы педагогов в эвакуации на Алтае, я считаю, невероятен – в силу его долговременного действия. Ведь дело ленинградцев и их коллег продолжили сначала ученики, потом ученики учеников...

Конечно же, на Алтае были и свои учителя. Помню, какое уважение к педагогам всегда сквозило в рассказах взрослых. С детства врезались в память слова деда: идет, мол, навстречу по узкой тропке учитель, так шапку долой и в снег по колено проваливаешься – дорогу уступаешь... Были у нас в Сибири старые кадры дореволюционной выучки, новые обучались на учительских курсах в барнаульских и новосибирских вузах. Но многие в сельской глубинке становились педагогами, едва окончив школу.

Ленинградские учителя... Почему их помнят по сию пору на Алтае? Потому ли, что они, чудом выжив в страшную первую блокадную зиму, не изменили себе и делу, которому служили. Потому ли, что они – выросшие на шедеврах Эрмитажа, на великолепии архитектуры, музыки и литературы – несли свет культуры и искусства сельским ребятишкам. Тем, полуголодным, что работали наравне с женщинами и стариками. И писали на уроках, как моя мать, при свете керосиновой лампы на сшитых старых газетах между строчек... Этих детей нужно было для начала научить, казалось бы, простому – говорить.

«НЕ МОЛЧИ!»

Учительница Александра Сергеевна Ильиных из Вылково запомнила многих ленинградских педагогов. Ее рассказ лишь о двух из них красноречивее иных словословий...

Фото сестер не сохранилось. Быть может, они есть на этом снимке среди студенток пединститута (1914 год).

«Калинин Александр Кузьмич, преподаватель русского языка и литературы... Что представляли мы, ученики глухой деревни, отдаленной от центра, не выдавшие и не имевшие ничего в школе. Мы не могли выразить свои мысли словами. У нас у всех был беден словарный запас.

И вот Александр Кузьмич решил научить нас говорить. Задаст вопрос по пройденной теме, называет отвечающего и говорит: «Не молчи, говори, говори, хоть что, но говори». Потом задаст наводящий вопрос по материалу. Так каждый урок мы учились «говорить». Мы даже изложение не могли написать, а про сочинение и говорить нечего. Мы уважали и любили его. На уроках литературы у нас появилась мечта, мечта в будущее. С ним мы делились своей мечтой...»

А вот какой запомнила Александра Сергеевна другого педагога: «Воскресенская Нина Борисовна – преподаватель истории, нас влекло к ней что-то невообразимое. Было у нее трое малолетних детей... Жили они в маленьком школьном домике с печным отоплением. Видимо, печь была неисправной, дымила. Нина Борисовна приходила на занятия в школу как Золушка – в саже то на лице, то на руках. Одна девочка решила посмеяться над учителем, мы все встали на защиту Нины Борисовны и преподавали такой урок... Она была славная, добрая, порядочная, грамотная, требовательная. Старалась помочь нам по всем неясным вопросам, не считаясь со своим личным временем».

Я уверена, что и Калинин, и Воскресенская были знакомы с сестрами Герке, работавшими совсем близко, в Тюменцево. Нина Борисовна так и вовсе могла встречаться с коллегами в Ленинграде: Елена Герке учительствовала, а ее сестра работала в пединституте (ныне – РГПУ им. Герцена). Именно этот вуз окончила Воскресенская.

«ОТВЕТ НА АНКЕТУ»

Сестры Герке работали в тюменцевской школе. Они попали на Алтай летом 1942-го, пережив в Ленинграде первую блокадную зиму...

Сохранились воспоминания Елены Дмитриевны о военном лихолетье. Всего-то три странички под заголовком «Ответ на анкету». Но как много вместили в себя ее пункты...

«Член группы самозащиты объекта», немолодая дама, тушила на крыше зажигательные бомбы... А еще она преподавала в школе русский язык и литературу – «пока в здании окончательно не выбыло из строя центральное отопление и санузлы»; вела занятия по противовоздушной и химической обороне для «неорганизованных женщин»; проводила регистрацию продовольственных карточек на предприятиях района зимой 1942-го...

«До майского тепла мы, учителя, – писала Елена Герке, – ежедневно ходили в школу кормить детей по карточкам и дополнительными супами из дрожжей плюс какое-то цветное желе. В апреле убирали снег и лед на территории школы.

Весной опять стали заниматься с пережившими тяжкую зиму детьми, которых предварительно разыскивали в сохранившихся домах микрорайона (Крестовский остров, Новая Деревня). Програм...

27 января – день полного снятия блокады Ленинграда.

мы этих занятий были особые – повторительные. Во внеурочное время вместе с детьми учителя собирали съедобные травы (в парке б. дворца Белосельского-Белозерского) для столовой, к которой была прикреплена школа».

О младшей сестре нашей героини, Екатерине Дмитриевне Герке, известно пока меньше. Многие справочные издания повторяют такую информацию: «Заведовала детским садом, устроенным по системе М. Монтессори. В 20–30-х годах работала в Психологическом подотделе Педологического института, была доцентом кафедры педологии. Основным направлением исследований подотдела являлось развитие ребенка детского возраста в окружающей среде». Психологи и педагоги по сию пору обращаются к научным публикациям Екатерины Герке.

В тюменцевской же школе она преподавала географию, а Елена трудилась по специальности – словесником. В отличие от их вылковской коллеги Воскресенской, были сестры уже немолоды

(1890 и 1894 годов рождения). Но трудились они так, как требовали того законы военного времени.

Обратимся вновь к воспоминаниям Елены Дмитриевны: «...я проработала три года сначала преподавателем литературы и классным руководителем в старших классах, потом сверх этого заведующей учебной частью школы и заведующей консультационным пунктом заочного обучения учителей при Педагогическом училище г. Камня-на-Оби.

Трудные были условия жизни и работы (отсутствие настоящего жилья, плохое питание, хозяйственная разруха в школе, где за 3 года сменились 4 неквалифицированных директора), но вспоминаются и кое-какие хорошие, полезные дела, в которых я участвовала.

Дважды, в 1943 и 1944 годах, мы организовали подготовку учителей для начальных школ из учащихся 10-х классов Тюменцевской школы, причем они не только слушали наши лекции, но проходили и практику: посещали уроки в младших классах, сами давали пробные. И позже все сдавшие у нас экзамены получили аттестаты об окончании педагогического училища. Я вела на этих курсах занятия по методике преподавания русск. яз. в начальн. школе и курс современного русск. языка.

2-е полезное дело – работа с учителями района по повышению их квалификации. На учительских конференциях читала доклады: «О культуре речи», «О педагогическом такте» (для учителей военного дела). Для партактива «О педагогической системе А.С. Макаренки». С партактивом проводила специальные занятия по теме «Как работать с книгой». Это уже 3-е полезное дело.

Приходилось, конечно, по мере сил заниматься и физическим трудом: с учениками в колхозе держали лен, убирали картофель, заготавливали на зиму кизяки для школьных печей».

О КОРНЯХ

Имена сестер Герке можно найти в списках эвакуированных на Алтай педагогов. Как сложилась после эвакуации судьба младшей, пока неизвестно. Старшая же, Елена Дмитриевна, в 1947-м была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а в 1949-м получила орден Ленина – «за непрерывную безупречную работу в школе в течение 30 лет». В 1957 году Елена Герке стала отличником народного просвещения. В архиве РГПУ сохранились уникальные документы, рассказывающие о судьбе сестер. Но увы, ни там, ни у потомков рода пока не нашлось их фотографий.

Судя по всему, сестры жизни свои посвятили воспитанию подрастающего поколения. Вероятно, замуж ни одна из них не вышла, ибо сведений об этом не встретилось нигде. Но как случилось, что

связали они свои судьбы с педагогикой? Есть у меня одна версия... И пусть она требует проверки, но уже сейчас удалось узнать, в какой семье родились замечательные педагоги.

Дмитрий Эдуардович Герке в 1896-м был коллежским ассесором, производителем работ по устройству и оценке казенных оброчных статей. В веке новом он уже статский советник, старший производитель земельных работ Санкт-Петербургской и Псковской губерний. Казалось бы, не особо «криминальное» прошлое у отца сестер Герке. Да и дед их был инженером... Но вот прадеды «подкачали»: вплоть до «прапрапра», до Фридриха Антона Герхарда Герке, все они были купеческого сословия... А брата отца, Константина Герке технического руководителя варочно-руковичной фабрики в уральском селе, расстреляли в январе 1938-го...

А теперь вспомним о моей версии того, почему призванием сестер Герке стала педагогика. Приведем эту версию здесь, дабы обнародование помогло ее подтвердить или опровергнуть...

«Пансион девиц (сестер, фрейляйн) Герке» – в таких вариациях из публикации в публикации упоминается первый детский сад в России, открывшийся в Москве в 1866 году. И из текста в текст цитируются воспоминания Александра Бенуа. Он – в отличие от всех остальных авторов – дает описание самой фрейляйн Герке. И даже сообщает букву ее имени – К. А у деда наших героинь были две сестры, одну из которых звали Каролина... Так не они ли являлись основательницами первого в стране детского сада? И не их ли дело продолжили Елена и Екатерина Герке?..

Но, может быть, на выбор профессии сподвиг их дядя, Михаил Эдуардович Герке? Он был преподавателем физики в Архангельске, Вологде, а с 1916 года директором лицея в Омске. Надеюсь, когда-нибудь мы это узнаем. И – «увидим» сестер в лицо.

Стиль и орфография приведенных документов сохранены.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала директору Тюменцевского районного историко-краеведческого музея Людмиле Динер, директору музея РГПУ им. А.И. Герцена Екатерине Колосовой (Санкт-Петербург).

Строки биографии

В сороковые, роковые на Алтае жили и трудились сотни учителей, эвакуированных из многих республик СССР. Наверняка каждый из них достоин того, чтобы его помнили. Вот еще несколько коротких рассказов о ленинградцах.

ЗАРИНСКАЯ

В 1944-м дети, выжившие в блокаду, шли в ленинградский Дворец пионеров, чтобы... петь. Но только ли петь учила их Мария Фёдоровна Заринская?

«Она меня приучила к музыке, «влюбила в пение» и была первой, кто дал мне веру в то, что я смогу стать певицей. Я ходила на хор, как за счастьем. И так сказать могли бы многие, потому что эта женщина всем нам дарила счастье, увлекая в прекрасный мир музыки, творчества, радости, из которого не хотелось уходить!» – эти слова народной артистки СССР, солистки Большого театра, легенды оперной сцены Елены Образцовой – о ее педагоге Заринской.

Своему детищу, академическому женскому хору, Заринская отдала 45 лет жизни. Сейчас хор носит ее имя. Но служению музыке и педагогике наша героиня посвятила не 45 лет, а всю свою жизнь.

Мария Фёдоровна родилась в Санкт-Петербурге в 1900 году в семье архитектора-художника губернского секретаря Фёдора Эдуардовича Крюгера. У Марии было два брата и сестра. Все они любили рисовать и музицировать. Сестры учились в Петроградской консерватории, затем окончили Институт истории искусств. Сохранились воспоминания о том, что Марии Фёдоровне посчастливилось знать Б. Пиотровского, И. Орбели, А.К. Глазунова, она виделась и говорила с Блоком и Маяковским. Среди друзей Надежды и Марии Крюгер были семьи Скрябина, Софроницкого и художника Анненкова...

С 1919 по 1925-й Мария Фёдоровна преподавала русский язык и хоровое пение в знаменитой школе Карла Мая. Параллельно она училась на литературном отделении Высших государственных курсов при Институте истории искусств, по окончании которых получила диплом литературоведа. Остается только удивляться, как много она успела уже до войны... Заринская читала курс методики музыкального воспитания детей в Педагогическом институте имени Герцена; руководила детским хором Дома пионеров Василеостровского района; была городским методистом по всем видам музыкального воспитания детей; наконец в 1936 году ее пригласили в Ленинградскую консерваторию на должность заведующей кафедрой вновь организованного музыкально-педагогического

Елена Образцова со своим педагогом Марией Заринской.

факультета и на педагогическую работу в качестве старшего преподавателя.

После войны наша героиня получила звания «Отличник народного образования», «Заслуженный работник культуры РСФСР», была удостоена ордена «Знак Почёта», медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За оборону Ленинграда». «Музыкальная жемчужина России» – так называется книга о Марии Фёдоровне. Заринская сделала так много... И навсегда осталась в памяти своих учеников.

«В ней жила исключительная способность любить всех и вся, вне рангов и достоинств, – вспоминала о педагоге Галина Баранчук. – Эта маленькая изящная женщина обладала удивительным полюсом притягательности, полюсом магии. В ее присутствии нельзя было быть примитивно-будничным. Это был уровень, который обязывал. В ней было столько ярких качеств и не было одного – равнодушия, того, что делает человека безликим, бесхребетным, что растворяет индивидуальность, что разъединяет и в конечном счете санкционирует, хотя и не напрямую, преступления».

В первый год блокады семья Заринских жила в Ленинграде. А два года – с 1942 по 1944-й – Мария Фёдоровна и Борис Алексеевич Заринские были в эвакуации в селе Самсоново Шипуновского района. Она преподавала в школе литературу, он – иностранный язык. Сохранились воспоминания о том, что в Самсоново Мария Фёдоровна организовала самодельность.

БУТНИК-СИВЕРСКИЙ

Член Союзов художников УССР и СССР, искусствовед Борис Степанович Бутник-Сиверский известен своими трудами по истории советского плаката, по украинскому народному творчеству, по художественному наследию Тараса Шевченко.

Родился наш герой в Чернигове в 1901 году. В 1917-м окончил реальное училище, в 1926-м – факультет истории искусств Киевского

Борис Бутник-Сиверский.

археологического института. Работал в Черниговском комитете по охране памятников старины и искусства, в киевском Центральном архиве, во Всеукраинском комитете по охране памятников старины и искусства в Харькове.

В 20-е годы прошлого века Бутник-Сиверский занимался исследованием детского творчества. В 1930-м он – научный сотрудник, а через год уже – старший научный сотрудник Академии наук УССР. С 1933 по 1938 год работал в Баку в Институте археологии, этнографии и истории АН АЗССР. В 1938–1940 годах являлся художественным руководителем Музея Института этнографии АН СССР в Ленинграде.

Два года – с июля 1940-го по июль 1942-го – Борис Степанович работал в Публичной библиотеке. С женой был эвакуирован в Алтайский край, в Усть-Коксинский аймак Ойротской автономной области. Там сначала трудился счетоводом в колхозе «Борец», а в 1943–1944 годах был учителем и завучем Катандинской неполной средней школы.

Из эвакуации вернулся в Киев. Там стал заведующим отделом изобразительного искусства Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР. И уже через год после возвращения защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

«Бутник-Сиверский, Б.С. Советский плакат эпохи Гражданской войны. 1918–1921 гг. Первая систематическая, богато иллюстрированная работа искусствоведа и

библиографа Бориса Степановича Бутника-Сиверского (1901–1983 гг.), посвященная истории плаката» – так заявляют на букинистических аукционах издание, вышедшее 60 лет назад. Этот лот знатоки называют справочником, необходимым каждому плакатисту.

СУРЫГИНА

О ней известно пока немного. В эвакуации наша героиня заведовала Алексеевской начальной школой Топчихинского района, в 1944 году вернулась на родину.

Увы, судя по статистике, уже нет ее родной деревни Пелешы в Сланцевском районе Ленинградской области. Удалось найти небольшую заметку в местной газете. В марте 1950-го «Знамя труда» опубликовало материал «Воспитательницы строителей коммунизма». Среди этих самых воспитательниц упоминалась и Любовь Петровна Сурыгина, за безупречную работу награжденная орденом «Знак Почёта».

ГАФФЕРБЕРГ

Люция Эллен Эдит Густавовна Гафферберг – таково полное имя нашей героини. В одних источниках сообщается о ее дворянском происхождении, в других пишут, что она была дочерью заведующего пакгаузом портовой таможни.

Эдит Гафферберг родилась в Санкт-Петербурге в 1906 году. Осиротев в двенадцать лет, она попала в детский дом. После окончания школы в 1924-м поступила в Ленинградский географический институт. В 1926–1927 годах участвовала в экспедиции по изучению курдов Армении; в 1928–1929-х – в Среднеазиатской этнологической экспедиции. В 1934 году Эдит Густавовна начинает работать в отделе Передней и Средней Азии Института этнографии АН СССР.

Гафферберг была выдающимся этнографом-иранистом, исследовательницей полукочевых иранских народов СССР. Ее книга «Белуджи Туркменской ССР» считается наиболее фундаментальным этнографическим исследованием, посвященным изучению этого народа Центральной Азии в отечественной науке.

Мужем Эдит Густавовны был уроженец Барнаула ученик А. Анохина Леонид Павлович Потапов – этнограф, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной (Сталинской) премии СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный деятель науки Тувинской АССР, крупнейший исследователь истории и культуры народов Южной Сибири.

Эдит Гафферберг в эвакуации жила с сыновьями на Алтае. Как и автор «Республики ШКИД» Сорока-Росинский, преподавала в Ойротском педучилище.

Материалы подготовила
Светлана ТИРСНАЯ
(фото из архива РГПУ и автора)

